

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ

СНЕЖНАЯ
ПОЧТА

АМФОР

Александр Николаевич Житинский

Снежная почта

Текст предоставлен издательством «Геликон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171654

Снежная почта: Геликон Плюс; М.: 2000

ISBN 5-8301-0232-3

Аннотация

Большинство стихов, собранных в этой книге, публикуются впервые, хотя написаны 25, 30 и более лет назад.

Поэтический путь от начала до конца, семнадцать лет молодости, своеобразный документ эпохи шестидесятых и семидесятых, грусть и отчаяние, любовь и надежда – все это осталось в стихах, которые дождались своего часа и теперь покидают автора.

Содержание

От автора	5
Снежная почта	7
Полутени	9
Часовой	9
«Сказка – это скатерть-самобранка...»	11
«Вернуться туда, где не был...»	12
«Вот на лестнице хлопнула дверь...»	13
«Я отдам тебе все: и веселье и детскую ласку...»	14
«Какая ночь!...»	15
«У нас в деревне дождик проливной...»	16
«Я плод, который перезрел...»	17
Разговор с домовым	18
«Я виноват перед тобой...»	19
«Давай простимся со старым годом...»	20
Воспоминание о старой квартире	21
«Серый дождик с неба хлещет...»	22
Старый Осип	23
Пароходик Альбера Марке	24
«Мне сегодня весело...»	25
«Ах, черт!...»	26
«Чего я стою? Сколько дважды два?...»	27
Нарекаци	28
«Я раскрываю книжную страницу...»	30
Исикава Такубоку	31
«Еще по мостикам горбатым...»	32
«У Императорского сада...»	33
Полутени	34
Стихи 67-го года	35
I	35
Стансы	35
Полночь с песенкой	36
«Это ты, это я, это наша судьба...»	36
«Моя больная муза...»	37
«Чудотворство ремесла...»	38
«Я счастливей вас...»	38
Из Дилана Томаса	39
«Надо быть немного выше...»	40
«Наступает вечер...»	41
«Сердце спать не дает...»	41
«Знай, что я еще другой...»	42
«Задумавшись, как птица канарейка...»	42
«Я оглянулся и увидел вдруг...»	43
«Бессонницы чуткое ухо...»	43
Весенняя болезнь	44
«Магнолии тяжелый цвет...»	45
«Ты приснилась: так печально...»	46

«Испания, опасная, как сон...»	46
«Барометр, бродяга лунных стрелок!...»	47
«Пора. Осыпается лето...»	47
«Бережно храни...»	47
Каменный остров	48
Журавлиный плач	49
«Сентябрь наколесил ветров...»	49
Карнавал осени	50
II	57
«Покров показался. Трехглавая церковь...»	57
Рогожская губерния	58
«Я не сплю. На избах тени...»	59
Лесные слова	59
«Хорошие люди, читайте хорошие книги!...»	60
Лесной трамвай	61
Венский вальс	61
«Сегодня встретился хороший человек...»	62
«Приходи ко мне запросто...»	63
Почти детское	63
«Напряжение внутренней жизни...»	64
Крысы	65
В парке	66
Зимние картинки	67
1. Здравствуй, зима!	67
2. Утренний снег	68
3. Вид из окна	68
4. Игра в хоккей	69
5. Сказка	69
6. Мороз	70
7. Снегирь	70
8. В летнем саду	71
9. Новогодний базар	71
10. Вечером	71
11. Ночью	72
12. Две ели	72
Сюжеты времени	74
Разговор	74
Чиновник	75
Издатель Новикув	76
1.	76
2.	76
3.	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Житинский

Снежная почта

От автора

*Благодарю моего сына Сергея
за помощь в издании этой книги*

Стихи я начал писать поздно. Мне было почти 22 года, когда я написал первое свое стихотворение. Было это в конце 1962 года в Ленинграде. Чаще всего писать стихи начинают в 15—17 лет или даже раньше, а к двадцати двум это уже проходит. У меня случилось наоборот.

Это было время поэтического бума, который вряд ли когда-либо повторится в России. Издавались сборники, устраивались поэтические вечера, известные поэты собирали стадионы. Сейчас это кажется немыслимым.

Я покупал и читал эти сборники – сначала без разбору, но потом – и довольно скоро – стал формироваться некий поэтический вкус. Во многом он обязан появлению в ту пору в печати стихов, о которых мы ранее не знали. Путеводителем по русской поэзии первой половины века для меня, как и для многих, стала книга Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

Писал много, через год – полтора начал предлагать стихи в печать. Результаты были более чем неутешительны. Впрочем, это не очень огорчало меня, ибо по прошествии совсем небольшого времени – двух-трех месяцев – старые стихи уже не нравились и мне самому, возникали новые, как мне казалось, более совершенные. Однако, к уровню, который принято считать профессиональным, я приблизился только через несколько лет.

В 1969 году я принял участие в конференции молодых писателей Северо-Запада, которые проводились тогда регулярно раз в два года. Там мои стихи были основательно разгромлены, однако их заметил Глеб Сергеевич Семенов и пригласил меня в свое литературное объединение.

Тогда же он помог мне составить мою первую книгу стихов и сам отнес рукопись в издательство «Советский писатель». Книжка начала свой долгий путь к изданию.

В 1970 году мои стихи начали печатать – очень редко и помалу: журналы «Юность», «Аврора», альманахи «Молодой Ленинград», потом «День поэзии». Книжку, несмотря на положительные рецензии и старания прекрасного редактора Игоря Кузьмичева, из года в год отодвигали в планах издательства. В результате, когда она через семь лет вышла в свет, стихов я уже практически не писал. Их вытеснила проза.

Первая книжка стихов должна была называться «Снежная почта». Однако издательство почему-то категорически воспротивилось этому названию. Более того, уже в сверстанной книге стихов под названием «Утренний снег» цензурой была выброшена треть – 20 стихотворений. Их не дали ничем заменить, и в таком урезанном виде в декабре 1976 года книжка появилась на прилавках.

Не считая себя более стихотворцем, я перестал предлагать стихи в журналы и альманахи. Кроме того, характер стихов, написанных после 1970 года, как мне ясно давали понять, не подходил для печати. Они остались лежать в столе, хотя стихи этих лет я считаю лучшими своими стихами.

Стихотворения в книге расположены в хронологическом порядке. Огромное большинство их публикуется впервые. В содержании звездочками указаны стихи, ранее появлявшиеся в печати. Только небольшая часть ранних стихов вошла в этот том, скорее, для

того, чтобы обозначить точку отсчета. Разделы тома соответствуют названиям стихотворных сборников, писавшихся в те годы и оставшихся лишь в машинописном виде.

Стихотворные переводы, включенные в избранное, делались с подстрочников в разные годы по случаю.

Я мог бы значительно сократить объем книги, однако для меня было важно представить *путь*, поскольку это не только книга избранной лирики, но в некотором роде документ эпохи.

В одном я уверен: эти стихи не есть то, что обыкновенно называют «стихами прозаика». Независимо от их уровня они представляют собою самостоятельное явление, которому автор сознательно отдал лучшие годы своей жизни.

Александр Житинский

Снежная почта

Напишем, напишем друг другу,
Небрежно, подобно мазку,
Про нашу дневную кольчугу,
Про нашу ночную тоску
Напишем, что стыдно кривляться
Особенно с красной строки.
Напишем! Чего нам бояться?
У страха глаза велики.

Напишем, напишем по кругу
Ту снежную почту времен,
Похожую больше на вьюгу
У черных Ростральных колонн.
Когда над Васильевским тучей
Клубится игольчатый снег,
Напишем, надеясь на случай,
Короткие письма для всех.

Напишем, напишем, приятель!
Озябшие руки согрей,
Нащупай во тьме выключатель
И крепкого чаю налей.
Пиши мне мудреные письма
Про бедную совесть и честь,
И если не будет в них смысла,
То будет хоть добрая весть.

И ты, воплощение отваги,
Мой собственный корреспондент,
Пиши на конторской бумаге
Сюжеты немых кинолент,
Рассказывай долгую повесть
О смысле утраченных лет,
Но все-таки лучше на поезд
Возьми потихоньку билет.

Напишем, напишем все сразу,
Конверт обольем сургучом.
Пусть осторожную фразу
Метель подпирает плечом.
Напишем, дымя сигаретой,
Какой-нибудь дьявольский бред...
Напишем, напишем все это
И в форточку бросим конверт.
1974

Полутени (1963-66)

Часовой

Я часовой потерянного мира.
В руке копье, за поясом – клинок.
Надменная, холодная секира,
Сверкая бронзой, замерла у ног.

Я часовой. Текут минуты мерно.
Настала ночь, и горестно поник
Фонарь над старой вывеской таверны,
Затих вдали последний пьяный крик.

И вот в тиши насторожённо-сонной
По светлым бликам влажной мостовой
Проходит Белоснежка невесомо
И стайка гномов за ее спиной.

Спешит карета с Золушкой. Во мраке
Кот в сапогах крадется вдоль стены,
И только тени черные, как фраки,
Застыли, охраняя чьи-то сны.

Уже дрожат распахнутые двери.
Хозяин ветер в городе пустом.
По мраморным листам – белее смерти —
Проходят гости в полуночный дом.

Немые слуги зажигают свечи,
Вино течет из вскинутых рогов...
Я часовой. Я, как преданье, вечен.
Я охраняю сказку от врагов.

Плывут по залам звуки сонных скрипок,
Танцуют королевские шуты,
А короли среди вина и криков
Давно уже с лесничими на «ты».

Но все проходит. Близок час рассвета.
Бьет колокол, трубит прощальный рог.
В халат потертый Золушка одета,
Стал жалким Кот без шляпы и сапог,

Стол опустел, стоят пустые кубки,
И кучер-крот вскочил на облучок...
А я, как принц, растерянно и хрупко
В руке держу хрустальный башмачок.
1963

«Сказка – это скатерть-самобранка...»

Сказка – это скатерть-самобранка,
Сказкой можно тешиться и жить,
В сказку улетаешь спозаранку,
Не решая – быть или не быть.

На границах сказочных дозоры,
Знающие всё бородачи,
Отворяют пыльные просторы,
Где дрожат стеклянные лучи.

Где пылинки пляшут, паутинки,
Солнцами пронизаны насквозь,
Где висят старинные картинки
В золоченых рамках вкривь и вкось.

Там по слою вековому пыли
Не шуршат небрежные шаги.
Мыши там давно уже забыли,
Что на них есть кошки – их враги.

Там на поседевших перекрестках
Ходики с кукушками стучат,
С потолка упавшая известка
Мажет мелом маленьких мышат.

Я там был – в чердачных сновиденьях,
В шелесте страниц и скрипе рам.
Я еще не раз в своих сомненьях
И надеждах побываю там.

1964

«Вернуться туда, где не был...»

Вернуться туда, где не был,
Подняться по лестнице темной
И, старый звонок нажимая,
Услышать за дверью шаги.

Сказать тебе: «Милая, здравствуй!»
Шагнуть за порог, как в пропасть,
И долго в бедной прихожей
Свой плащ промокший снимать.

И в комнате тесной и теплой
Зажечь свечу и поставить
На стол, и вспомнить о прошлом.
О будущем – не говорить.
1965

«Вот на лестнице хлопнула дверь...»

Вот на лестнице хлопнула дверь.
Ты шагам торопливым поверь
И по скрипу ступеней сумей
Угадать мою тень у дверей.

Вот подходит назначенный час,
А на лестнице – десять пар глаз,
И ушей десять пар – у стены
Караулят запретные сны.

Что же сердце не бьется в груди?
Ах, как страшно к порогу идти!
Страшно дверь, как лицо, распахнуть
И надежде навстречу шагнуть.

Но никто у дверей не стоит.
Только кот на ступеньке грустит.
Только мужа бранит дотемна
За соседнею дверью жена.
1965

«Я отдам тебе все: и веселье и детскую ласку...»

Я отдам тебе все: и веселье и детскую ласку,
Как художник холсту отдает животворную краску.
Только ты отзовись, только ты появись и возникни!
Вот уж осень к земле порыжевшими листьями никнет,
И по крышам и трубам свистит охладелым потоком
Жестяная вода на серебряном ветре высоком.
Как противен оскал дождевой молодящейся рыбы!
Дождь как будто бубнит: если были бы вместе бы вы бы,
Если были бы белые бури, и синие птицы
Прилетали бы легкими снами над вами кружиться...
1965

«Какая ночь!...»

Какая ночь!
И красный свет
В окне замерзнувшего дома,
И затаенная истома,
И облаков прозрачный след.

Шаги прохожих в темноте,
И голос тихий и усталый,
И отраженные кварталы
В холодной северной воде.

А где-то плачут поезда,
Совсем по-детски горько плачут.
И надо мной видит звезда,
Но это ничего не значит...
1966

«У нас в деревне дождик проливной...»

У нас в деревне дождик проливной
И тучи, как дворняжки, лают с неба.
А я пишу письмо тебе домой,
И на столе лежит осьмушка хлеба.

Бревенчатые стены. Печь. Ухват.
Ты знаешь, он совсем, как настоящий!
И угли из печи в избу глядят,
Как волки из соседней черной чащи.

В трубе гудит, и дым прибит к земле.
Холодный ветер рвет его на части.
Ты хоть сегодня вспомни обо мне,
О горьком и нескладном нашем счастье.

Погасла печь. Зарылся жар в золу.
И завтра будет так же, как сегодня.
В своем иконном золотом углу
Заснул спокойно Николай-угодник.

И дом заснул. И снова ты со мной.
Он был, тот день?
Мне кажется, что не был.
У нас в деревне дождик проливной
И тучи, как дворняжки, лают с неба.
1965

«Я плод, который перезрел...»

Я плод, который перезрел.
Меня садовник не срывает.
Он совершенно не скрывает,
Что незавиден мой удел.

И я на веточке дрожу,
Болтаюсь меж землей и небом
И в положении нелепом
Весь прошлому принадлежу.

И солнечный веселый взгляд
Ловлю я ослабевшим оком,
В уединении глубоком
Накапливая горький яд.

Никто в заброшенном саду
Не вздрогнет и жалеть не станет,
Когда, бессильный и усталый,
В траву я молча упаду.
1966

Разговор с домовым

Вот и дождался метели.
Все предвещало метель:
Окна в домах запотели,
Снег заплесать захотел,

Ветер кружиться задумал,
За угол вихри замел,
Кромку сугробную сдунул
И домового привел.

Слушай, приятель! За печкой
Завтра бутылки найдут.
Попика с тонкою свечкой
Под руки в избу введут.

Тот совершит отпущенье.
Мелко тряся бородой,
Он окропит помещенье
Снежной святою водой.

Дух домового изгонит,
Душу мою вместе с ним.
Что ж это ветер так стонет?
Снежный качается дым?

Выпьем, старик! До рассвета,
Как до весны, – канитель!
В снежные стороны света
Рвется шальная метель.

1966

«Я виноват перед тобой...»

Я виноват перед тобой.
Пришли мне в утешенье
Листок бумаги голубой
В день моего рожденья

Пускай ко мне он прилетит
Морозным ясным утром,
Когда на крышах снег блестит
Хрустящим перламутром.

Когда дыхание, клубясь
Коротким разговором,
Плетет невиданную вязь
Игольчатым узором.

Я перечту твои слова
Раз десять, и не сразу
Поймет хмельная голова
Написанную фразу.

Увижу на краю листа
Зачеркнутое слово,
И круговая пустота
Меня охватит снова.

Потом я молча буду ждать,
Когда наступит вечер,
И можно будет зажигать
Рождественские свечи.

Затеят огоньки игру,
Качаясь и мигая,
И будет виться по двору
Метелица сухая.

1966

«Давай простимся со старым годом...»

Давай простимся со старым годом
И примиримся с его уходом.

И дождь, и листья давай забудем
И убиваться по ним не будем.

Давай простимся с тем днем печальным,
Таким далеким, таким случайным.

С тем днем, в который не возвратимся,
Давай простимся, давай простимся.

1965

Воспоминание о старой квартире

Милые, добрые люди
Носят тазы и бокалы.
Пыль оседает на груде
Старых газет и журналов.

Бабушкина чернобурка
Прочно выходит из моды.
Валится вниз штукатурка
После дождливой погоды.

Жирные синие мухи
Сонно сидят на картине.
Ходят упорные слухи
В старой прокисшей квартире.

Кто-то уехал в Сухуми,
Кто-то в субботу напился,
Кто-то давно уже умер,
Кто-то еще не родился.

1966

«Серый дождик с неба хлещет...»

Серый дождик с неба хлещет.
Он хронически простужен.
Оловянным блеском блещут
Лужи.

И просвета не видать
На унылом горизонте.
Хорошо бы мне достать
Зонтик.

Разноцветный, озорной,
Отгоняющий ненастье,
Чтоб раскрылось надо мной
Счастье.

Чтоб в тугие перепонки,
Выгнутые, словно сабли,
Бились, веселы и звонки,
Капли.

1966

Старый Осип

Олегу Осипову

Что ты бродишь, Старый Осип,
По обочинам дорог?
Снова пьяный? – дома спросят
И не пустят на порог.

Презирующий законы,
Расскажи-ка мне опять,
Как ты пил одеколоны
И глотал денатурат.

На тебя смотрю я сонно,
Я тебе не конкурент.
Что поделать, все законно, —
Я гнилой интеллигент.

Я на Севере не плавал,
Не видал барачных стен,
Над судьбой своей не плакал
И себе не резал вен.

Для меня все это внове,
Я не знаю ни черта!
Или, может, группа крови
У меня совсем не та?

Ты пойми меня, как надо.
Видно, каждому свое.
Свой закон, своя отрада
И свое житье-бытье.

Ну, прощай, бродяга старый,
Мой счастливый антипод!
Что с тобою завтра станет?
Что со мной произойдет?

Расстаемся – остаемся
Каждый на своем пути.
Верно, сами разберемся,
Как нам быть, куда идти.

1966

Пароходик Альбера Марке

Синий пароходик
С красной полосой,
На ходу урчащий,
Словно пылесос.

Дым, как звон часовни,
Тает над водой.
Ходит пароходик,
Точно заводной.

Никаких волнений,
Никаких забот,
Не понять, что скоро
Кончится завод.

Как малыш беспечен!
Тихая река
Станет ложем вечным
Завтра... Но пока

По весенней Сене!
Бегают босой!
Синий пароходик!
С красной полосой!

1964

«Мне сегодня весело...»

Мне сегодня весело.
В зоопарке тесно.
Хохочу над хоботом
Серого слона.

И этюды Гнесина
Грамотно и пресно
Пианисты-роботы
Шпалят из окна.

На чугунной клетке
Надпись «обезьяна».
И толпа смеется:
Зверь танцует твист.

Воробей на ветке
Перья чистит рьяно,
А к нему крадется
Кот-рецидивист.

Выхожу из парка.
На окошках шторы.
Велосипедисты
Бешено летят.

Завтра будет жарко.
Заперев запоры,
Дома пианисты
Безмятежно спят.

1966

«Ах, черт!...»

Ах, черт!
Поди-ка, что за шутка?
Смотри, ты видишь, видишь, там
Гуляет жареная утка
По телеграфным проводам.

Смотри, она еще дымится,
Румяной корочкой хрустит,
И, аппетитное на вид,
Крыло на солнце золотится.

Но кто позволил?
Почему
Там не душа парит, а тело?
Царит промасленный Отелло
В горячем кухонном дыму.

Он говорит:
– Сегодня пир.
Духовной пищи жаждет мир.
С душою поменявшись, тело
На небеса лететь хотело,
Но не смогло и ходит там
По телеграфным проводам.

1966

«Чего я стою? Сколько дважды два?...»

Чего я стою? Сколько дважды два?
Четыре – отвечают. Я старею.
Уже за мной недобрая молва
Торопится, вытягивая шею.

Опомнишься в квартире городской,
В чужом пиру – и темном, и невнятном,
Где свечи обливаются тоской
И на паркете оставляют пятна.

Опомнишься – великой тесноты
Не пережить в полуметровом свете,
И обречен бессмертию не ты,
А бронзовый подсвечник на буфете.

1966

Нарекаци

По белому свету шатался
Один пожилой армянин.
Он грамоты где-то набрался
И жил совершенно один.

Жены не имел он и дочки,
Жилья не имел и стола,
Лишь книга на желтых листочках
При нем постоянно была.

Читал он старинную книгу
В гостиничном чахлом дыму,
И гор обнаженные сдвиги
В душе рисовались ему.

Потом он вставал на колени,
Вздыхая от старости лет,
И Бога просил избавленья
От внешних и внутренних бед.

В конце прибавлял он привычно,
Одними губами шепча:
«Пошли землякам горемычным
Покой от огня и меча».

И вновь у подножия храма
В какой-то сторонке глухой
Твердил он в молитве упрямо:
«Пошли горемычным покой».

Он умер, а книга осталась.
Ее под рубахой нашли.
Она армянину досталась,
Не знавшему отчей земли.

И слово родное по буквам
С трудом разобрал армянин,
И горло наполнилось звуком
Гортанных высот и низин.

Тем словом старинным согретый,
Он бросил свой угол и стол
И с книгой по белому свету
Искать свое счастье пошел.

1965

«Я раскрываю книжную страницу...»

Я раскрываю книжную страницу,
А где-то мальчик плачет в Аргентине
По мертвому тореро. Кровь по каплям
Струится с перевернутых рогов
Оранжевого месяца. Они
Похожи на рога быка, который
Убил тореро во вчерашней схватке.

Толпа дразнила красного быка.
А в стороне, укрывшись черной шалью,
Стояла, ослепленная несчастьем,
Вдова тореро. Мальчик видел зуб
Акулы – этот знак удачи,
Который, никому теперь ненужный,
Лежал в пыли у ног ее. Она,
Еще не веря в торжество беды,
Стояла и ждала, когда любимый
Поднимется и встанет во весь рост
На солнечной арене, и победа
Слетит к нему в приветствиях и криках,
И лепестках цветов.

Толпа редела.
Потом с вдовой остался только мальчик.
Он осторожно вышел из рядов,
Ступил на землю, залитую кровью,
И, подобрав с земли обломок шпаги,
Взмахнул перед собой им, поражая
Опасное чудовище. Тогда
Нагнулась женщина и подняла с земли
Нагретый пылью белый зуб акулы.

1966

Исикава Такубоку

Я – Исикава Такубоку.
Лежу под солнцем на боку.
Молясь языческому богу,
Слезы сдержать я не могу.

Среди разбросанного хлама
Лачуг и сосен, недвижим,
Сияет вечный Фудзияма,
И облака стоят над ним.

Мой остров мал, как панцирь краба,
И так же тверд, и так же сух,
Но, словно стяг, пылает храбро
Над ним несокрушимый дух.

И европейские привычки
Его не могут изменить.
Не подобрать к замку отмычки
И нашу волю не сломить.

Я – Исикава Такубоку.
Я вижу птицу и змею.
Своей стране, надежде, Богу
Я никогда не изменю.

И пусть немилостив упрямо
Ко мне годами дом родной,
Я буду горд, как Фудзияма,
Своею древнею страной.

1966

«Еще по мостикам горбатым...»

Анне Ахматовой

Еще по мостикам горбатым
Пролетки черные скользят,
И, снами тяжкими объятый,
В туманах виснет Петроград.

Еще гуляют на Фонтанке,
Но свечи гаснут. Три, одна...
Еще промчится на тачанке,
Как пыль, привычная война.

Еще несчастье не случилось,
И счастье тоже не пришло.
Кровь по ступеням не струилась,
Вино рекою не текло.

Но дни безумные листая
При тусклом свете фонарей,
Спешит Россия белой стаей
К судьбе назначенной своей.

1966

«У Императорского сада...»

У Императорского сада
Стоит чугунная ограда,
А я шагаю вдоль Невы,
Не поднимая головы.

Когда-то в этом полумраке
На бал я поспешал во фраке,
И газовые фонари
Росли из неба до земли.

Когда-то, пьяный от решеток,
Испуганно и отрешенно
Стрелял я в батюшку-царя,
Как позже выяснилось, – зря.

Теперь живу в двадцатом веке,
И только вздрагивают веки,
Когда шагаю вдоль Невы,
Не поднимая головы.

1966

Полутени

Играют полутени
На пепельной стене,
И кажется, что стены
Качаются во сне.

И где-то возникает
Мелодия тайком
И тайно проникает
В мой опустевший дом.

В кривых виолончелях
Танцует снегопад,
И, словно на качелях,
По стенам сны скользят.

В их отблеске, летящем
Из темноты на свет,
Является все чаще
Знакомый силуэт.

Сначала ярче, ярче
Его чеканный вид.
А печь горит все жарче,
И дым в трубе кипит.

Потом огонь темнеет,
Слабеет силуэт,
Он тает, он стареет
И сходит он на нет.

Теряя очертанья
И сходство на лету,
Как древнее преданье,
Сползает в темноту.

И звуки с перепугу,
Признав свою вину,
Покорно друг за другом
Уходят в тишину.

1966

Стихи 67-го года

I

Стансы

По молодости лет не воевал,
Не странствовал, не плакал, не судился.
Свой век по-городскому куковал —
В квартирах пыль на лезвиях зеркал —
Опомнился – в окурочек превратился.

Не важно, что мосты разведены,
Чугунные ворота на засове.
Не добежал до крепостной стены —
Мгновения за годы зачтены,
На флаге незаметна капля крови.

Куда вы делись, милые мои?
В Царицыне или под Перекопом?
Я опоздал. Закончились бои.
В живых остались только воробьи,
Вон за окном они дерутся скопом.

Тридцатый год циркульнику служил,
На хищных птицах окровавив перья.
Тянули страхи из лаптей и жил,
И не было ни опыта, ни сил
Остановить поветрие поверья.

На черных тучах выросли кресты.
Я страх запомнил, не забыв детства.
С сомнением на чайные мечты
История взидала с высоты
И строила преграды по соседству.

Из магазина запах колбасы.
Семейный быт налаживался прочно,
И Сталин улыбался мне в усы.
Кому же верить? Врут мои часы,—
Двадцатый век закончился досрочно.

Рыдайте! Век отходную поет.
Приобретайте новый холодильник!
Храните, как в сберкассе, старый лед,

А я на три столетия вперед
Перевожу поломанный будильник.

Когда наступит, – что там? новый быт? —
На всей Земле и даже на Аляске,
Мой сломанный будильник зазвонит,
Напомнив, торжествуя и навзрыд,
Все войны, революции и встряски.

Полночь с песенкой

Когда наступает бесшумный парад арлекинов,
Гудят провода, осыпая весенние струны,
На черных дощечках показываются луны,
И гаснут огни, напряженное небо покинув,
Приходит безумие. Острым крылом разрезая
Полночное небо, свернувшееся в клубок,
Оно говорит: да будет твой сон глубок!
Свободу покоя твоей судьбе разрешаю.

А мне припеваючи жить
Давно надоело.
Наряды зевакам шить —
Нехитрое дело.
Не плачу и не смеюсь,
Привык улыбаться.
Удачи одной боюсь —
Счастливым остаться.

Приятные вести приносят печальную радость,
И голуби тусклые на подачках жиреют.
Над городом флаги. Флаги над городом реют.
На голубем – знамя, освещающее дорогу
Бездомному рыцарю, неприкаянному богу,
Безумцу на миг, калифу на час – наградой
За полночь, не знающую преград.

«Это ты, это я, это наша судьба...»

М. Хуциеву

Это ты, это я, это наша судьба.
Так бескровно дрожит в переулке труба!

Так по лицам осенним скользит пешеход,

Забегая глазами немного вперед,

И давно уже согнуты стрелки часов
Завитками кошачьих семейных усов.

Надо ночь – напролет, надо день – наугад.
Соловьи не тревожат уснувших солдат.

Это ты, это я, это наша беда
Накалилась, как черная сковорода,

И не видно дождя, и не видно огня,—
Это осень шуршит на губах у меня.

Расскажи мне свою кругосветную быль.
Там на книжных картинках свинцовая пыль.

Распахни в переулок кривое окно,—
Дождевое раздумье свежо и темно.

Это град, это мир в тесном клекоте птиц,
В непрерывном движении замкнутых лиц.

Но не надо, не надо смотреть мне в глаза,—
На ресницах сухих невозможна гроза.

«Моя больная муза...»

Моя больная муза
Явилась на порог.
— Зачем пришла, обуза?
— Не выполнен оброк.

— А много ли оброку?
— Сполна не заплатить.
Стране, надежде, Богу
Ты должен угодить..

— Страна меня не знает,
Надежды нет давно,—
По кабакам гуляет,
А Богу все равно.

— Скорей плати по счету,
Выкладывай товар!
Да мне не позолоту,
А золото давай!

– Мне золота не жалко.
Напрасная цена.
Гадала мне гадалка,
Неволила весна.

По линиям лиловым
Гуляет шум и гам.
Я музыкой и словом
Оброк тебе отдам.

Я слово это выну,
Его дугою выгну
И радугой зажгу.
И горем, как заплакою,
Его я запечатаю
И радостью зашью.

«Чудотворство ремесла...»

Чудотворство ремесла:
Перепутанные звуки
Наугад и без науки
Выпускать из-под крыла.

От души их отделять,
Перерезав пуповину,
И за следствие причину
Без причины выдавать.

Оставляет не у дел
Эта черная работа —
Довести до поворота
Удивления предел.

На подрубленном суку
Всласть раскачивать качели,
Пролетая мимо цели
И сгорая на скаку.

«Я счастливей вас...»

Я счастливей вас,
Милые коллеги.
В этот синий час

Не спускаю глаз
С путеводной Веги.

Если пустота —
Это только термин,
Я лечу туда,
Где горит звезда
В ореоле терний.

Если наугад
Сказанное слово
Возвратить назад,
Подновить наряд
И промолвить снова,

Подойдешь на шаг
К верхнему пределу,
Где звериный страх
Стынет на губах
И мешает делу.

Не к лицу лучу
Огибать преграды.
Перед ним смолчу.
Слову по плечу
Собственные взгляды.

И своя звезда
Каждому от Бога.
Горе не беда,
Если никогда
Не менять дорогу.

Из Дилана Томаса

В ремесле своем укромном
Упражняюсь тихой ночью
Под осколками луны,
В час, когда, забыв печали,
Все влюбленные заснули,
Я тружусь в звенящем свете
Не для славы или хлеба,
Иль заносчивой улыбки
Популярного маэстро,
Но для простенькой оплаты
Тайны сердца твоего.

Не для гордого счастливца
И растерзанной луны
Я пишу свои страницы;
Не церковной колокольне
С хорами и соловьями,
А влюбленным – эти руки
Оплели печали века
И не требуют оплаты,
Но внимают волшебству.
Перевод с английского

«Надо быть немного выше...»

Надо быть немного выше
Самого себя.
Вот сидишь ты, что-то пишешь,
Перышком скребя.

На кефирной промокашке
Оставляешь след,
Копишь царские замашки,
А короны нет.

Посмотри на рваный полдень
Сбоку, с высоты.
Воробьи спешат наполнить
Маленькие рты.

Позабыть бы им заботы,
Кинуться в полет,
Да куда там! До икоты
Набивают рот.

Ни к чему коню мочало,
Воробью – цветы.
Нас валило и качало
В приступе мечты.

Мне вытряхивали душу
Мысли невпопад.
Думал, вот – приду, нарушу
Глянцевый уклад.

По кирпичику, по нитке
Растащу тряпье.
Но пожитки, как пожитки,—
Снова за свое.

Это хитрость для ребенка,
Рыжая мечта.
Глохнет, сохнет перепонка,
Музыка не та.

Просто перышко потише
Крика воробья.
Надо стать немного выше
Самого себя.

«Наступает вечер...»

Наступает вечер.
Посиди со мной.
Будет бесконечен
Разговор ночной.

Вечные вопросы
Нам не разрешить.
От житейской прозы
Некуда спешить.

Я достался ветру,
Ветру и огню.
Тоненькую ветку
До земли нагну.

Опалю ресницы
Золотом лесов,
А тебе приснится
Кружево крестов.

Скажешь: не бывает
Дыма без огня.
Аист улетает
И зовет меня.

И гнездо на крыше
Пусто до поры.
Говори потише,
Тихо говори.

«Сердце спать не дает...»

Сердце спать не дает,
Все стучит да стучит.
Это времени ход
Током крови звучит.

Тяжело сироте
Алым светом дышать,
Новый день суете
В тесноте возвещать.

Из артерий и вен
Льется дым на стекло.
Дай мне слово взамен,
Чтобы свечкой зажгло

Ледяных петушков
И скорлупки, и сны,
Словно ключик в ушко
Деревянной луны.

«Знай, что я еще другой...»

Знай, что я еще другой,
Не такой, как тот, старинный
Пастушок с печалью длинной
И печатью восковой.

Знай, что я еще могу
Весь рассыпаться на части,
Если глиняное счастье
Улыбнется пастуху.

В ожиданье перемен
Или скорого ответа
Не сворачивай на лето
Этот пыльный гобелен.

Знай, что я уже готов
Жить на шелковой подкладке,
Уважая все порядки
Карамельных городов.

«Задумавшись, как птица канарейка...»

Задумавшись, как птица канарейка,

Булавочным глазком кося в тетрадь,
Я не устану молча повторять:
Зима-злодейка! Замели метели
По всем дорогам, и не видно цели,
Себя в неволе попусту не трать!

И клювик приоткрыв от удивленья,
Линейкой ржавых прутьев окружен,
Я буду замечен, запорошен.
На рисовом зерне нельзя пророчить!
Но так легко метелью одурачить,
Когда вертлявый хохолок смешон!

Когда пшено с водою на подносе,
И песню петь по расписанью в час,
Оставь вопросы разрешать за нас
Тому, кто корм по клетке рассыпает.
Он знает много, ничего не знает,
Пропой ему, дружок, в последний раз!

«Я оглянулся и увидел вдруг...»

Я оглянулся и увидел вдруг
Очерченный чертой непониманья
Своей судьбы заветный полукруг
И лица напряженного вниманья.

Мне истину открыть не суждено.
Но почему застольные беседы
Кружат мне голову, как легкое вино,
Ребяческим желанием победы?

И почему старик на том конце,
Где так легко поверить кривотолкам,
Внезапно изменяется в лице, —
Его задело солнечным осколком!

И вот – прорыв! По тонкому лучу
Мой голос через головы доходит.
Вы слышите – я в сердце вам стучу,
Но внешне ничего не происходит.

«Бессонницы чуткое ухо...»

Бессонницы чуткое ухо

Часов различает настрой.
То глухо, то звонко, то сухо
Стучит по стеклу домовой.

Он вертит пружинки, заводит
Часы на тик-так и всю ночь
Над танцем теней верховодит
И шлет сновидения прочь.

Неужто запечный бродяга
И впрямь привязался ко мне?
Пугает на полке бумага,
И знаки ползут по стене.

Внимательный и уstraшенный,
Прислушаюсь: ветер гудит,
И дождь поливает газоны,
И месяц сквозь тучи летит.

И ходят часы по паркету,
Кукушка на кухне поет,
Ругает бессонницу эту,
Минуты векам продает.

Весенняя болезнь

Мне нынче очень плохо.
Весна. Холодный сон.
Спускается полого
На землю небосклон.
И в зябкой лихорадке
От солнечной возни
Листаю, как тетрадки,
Я прожитые дни.

Осенняя страница.
И мысли невпопад.
Там курица-не-птица
Пасет своих цыплят.
По осени считают,
А по весне крадут.
Тетрадошки листают,
Пропажи не найдут.

Холодная страница.
Снега, как на войне.
Там рыжая лисица

Сидит на черном пне.
Метель, моя хозяйка,
Свистит, слепит глаза,
И ластится всезнайка,
Пушистая лиса.

Весенняя страница.
Прохожих детский сад.
Их шелковые лица
На солнышке блестят.

И я уже не промах,
Невнятен, как в бреду,
Я шелковых знакомых
По улицам веду.

И к горлу подступает
Ненужная слеза.
Лиса, метель – все тает,
Как леса голоса.
И память в беспорядке
Прокручивает вновь
И осень, и тетрадки,
И письма, и любовь.

И новая страница
Опять белым-бела.
И снова повторится
И курица-не-птица,
И рыжая лисица,
И все сгорит дотла.

«Магнолии тяжелый цвет...»

Т. Г.

Магнолии тяжелый цвет,
Ко времени цвети.
Сожми в ладошках десять лет —
И счастье есть, и счастья нет,
И счастье на пути.

Наступят средние века.
Ступеньки – три струны.
Настанет полдень, а пока
Твоя прощальная рука
С магнолией луны.

И десять лет – в единый миг,
И струны все – порви!
Не спросят – что там? Смолк и стих
Последний сон, последний стих,
И лестница в крови.

А дом снесли. Зачем ему
На привязи стоять?
Забывши эту кутерьму
Цветут в Анапе и Крыму
Магнолии опять.

Не стоит плакать! По весне
Ни слез, ни счастья нет.
Взмахни магнолией во сне,
Пусть наградой будет мне
Ее тяжелый цвет.

«Ты приснилась: так печально...»

Ты приснилась: так печально
Поглядела на меня,
Иль испытывая тайно,
Иль по-прежнему виня
В неудавшейся развязке,
Где навек оборвались
Наши Золушкины сказки
И дороги разошлись.

«Испания, опасная, как сон...»

Испания, опасная, как сон,
Где трижды умираешь до рассвета!
Севилья в саван пепельный одета,
В Мадриде слышен похоронный звон.
Валенсия вальсирует неловко,
Молчит Гранада, в камень обратясь,
Крадется ночь по городу, таясь,
Ее кинжал мерцает, как подковка.
Кордова крови до краев полна.
Летит по небу красная луна,
Как глаз быка, убитого в субботу.
Ворочаясь, заснул тореадор,
С корриды проклиная до сих пор

Свою неблагодарную работу.

«Барометр, бродяга лунных стрелок!...»

Барометр, бродяга лунных стрелок!
На бурю поверни. Великой суши
Уже печали трубочкой свернулись,
И каждый стих свивает тонкий кокон.

«Пора. Осыпается лето...»

Ю. Карпову

Пора. Осыпается лето.
У красных вагонов трамвая
Свои прицепные секреты,
Колес перестуки. Глаза
Откроются. Я без билета
В прозрачную осень врываю,
Горят ослепительным светом
Сосновые сказки – леса.

И золотом, золотом – залом
В огнях, зеркалах, музыкантах —
Слепит близоруким пожаром
Соснового строя стена.
И солнце малиновым шаром
Раскатится – девочки в бантах
Бегут по садам и бульварам,
А осень – чужая вина.

Я счастлив. Осеннего блеска
Волна перепутала звуки.
Лежат протяженно и резко
Теней разлитые стволы.
А там, на губах перелеска —
Одно только слово: разлука,
Разлука – сияющим всплеском,
Уколом зеленой иглы.

«Бережно храни...»

Бережно храни

Лист китайской розы,
Шелковые дни,
Ситцевые грезы.

Память, как трамвай.
Не бери билета.
Увезет на край
Нынешнего лета.

Каменный тупик
Преградит дорогу.
Надо напрямик,—
Обойди немного.

Там на самом дне
Куст китайской розы
В предрассветном сне
Пляшет на стене.

Каменный остров

На кленовых расписных листах
Напишу два слова: «Слава, осень!»
Ветер слезы дождевые носит
И развешивает на кустах.

Не сумела удержать разлив
Острова гранитная преграда.
Смертный час не города, но града
Требует расплаты за разрыв.

Стылая высокая вода
Так прозрачна, так неуловима,
Словно там без голоса и грима
Лицедейство холода и льда.

День сгорел без пламени, тайком
Дотлевают срезанные сучья.
Истончилось кружево паучье
И свернулось в сероватый ком.

Забрести так грустно одному
На венецианские аллеи,
Где петровских парков брадобреи
Ножницами щелкают в дыму.

Журавлиный плач

Еле дышащий пар от полей,
Словно иней на привязи танца,
И лицо, потемнев от румянца,
Провожает стрелу журавлей.

Третий слева – твой истинный брат,
Окольцованный беглой жестянкой,
Обрученный навек с испанкой
На испанский летит закат.

Ты склоняешь: разлука, разлук,
За разлукой не слышно тревоги,
За излукой не видно дороги,
Но натянут конвой, как лук.

Третий слева – и сердце в крови.
Но не вынуть звено из цепи.
Перед ними горы и степи,
А любовь на земле лови,

Что податлива и черна,
Дышит инеем или паром
И скрывает лицо покрывалом,
Как покинутая жена.

«Сентябрь наколесил ветров...»

Сентябрь наколесил ветров.
Он нездоров. Он роет яму,
Как зверь, и дергает упрямо
Проспект за струны проводов.

Он выметает, как песок,
Из подворотен чьи-то взгляды,
Походки, платьница, парады
Зонтов и шарфиков вальсок.

Нашепчет на ухо: квартал
Нельзя пройти без передышки.
Заводит мелкие интрижки,
Как баловень, спешит на бал.

Очки наденет, в зеркалах

Витрин изобразит гримасу,
Но беспокойней час от часу
Его усмешка на устах.

Пройти квартал – и решено
Заклеить раму. Скоро снега,
Как искры, – выплеснут на бреги
Зимы шипучее вино.

Карнавал осени

Поэма

Шаманство бубна и метель,
Повадки старых арестантов,
Сам черт качает колыбель
В кругу блестящих адъютантов.
Талантов? Нет! Подделан хмель
Красавиц, бабочек, курантов
Непобедимая печаль,
И хмеля истинного жаль.

Увлечь легко, лукаво, тайно,—
Сам не заметишь, как пропал.
Не может быть! Необычайно
Необычаен карнавал.
Подборка лиц весьма случайна:
Букинистический развал
Стихов, дешевого картона,
Виньеток и дурного тона.

Умчаться! Выбор предрешен.
Лети, ладья, напропалую
От слитности мужей и жен,
Разбитости сердец. Тоскую,
Угаром общим поражен,
Серьезен, плачу, комикую
И, оторвавшись сгоряча,
Лечу, как пробка пугача.

Позвольте осмотреть планету!
Мадам, простите, я готов
Набрать для каждой по букету
Чудесных утренних цветов,
Но одинокому поэту
Другой удел – небесный кров,
Щепотка пепла, щедрость духа,
Немного голоса и слуха.

Я оставляю вам кусты
Благоухающей малины,
Мои весенние мечты,
Мои осенние кручины.
Они приятны, но пусты,
По виду только исполины.
Задует ветер – что там? страх!
Бегут на четырех ногах.

Подумав коротко, навечно
Я оставляю вам стихи.
На вашей совести, конечно,
Судить, рядить – они плохи,
Они прекрасны, но беспечны...
Не вынести тройной ухи
Суждений, выговоров, стонов
Моих знакомых Цицеронов.

Пойдем со мною, помолчим,
Присядем в парке на скамейку.
Октябрь беснуется; пред ним
Стоят, вытягивая шейку,
Осины, клены. Едкий дым
Сворачивает в ту аллею,
Где над скамейками, как встарь,
Разбитый дребезжит фонарь.

Скажи два слова. Нет, не надо.
Я отлучен от этих слов.
Густого лиственного сада
Давно осыпался покров.
А мне уроки листопада
Сдвигают сроки, портят кровь,
Напоминают эти лужи,
Что я не тот, остыл, простужен.

И я один. Немудрено.
Тебя я на ходу придумал,
Случайно заглянул в окно,
На свечку тоненькую дунул
И распустил веретено
Волшебных сказок, но колдуний
Увидел розовый оскал,
Смешался, съежился, сбежал.

Теперь прости. Адмиралтейство
Законным лучиком горит
Сквозь городское лицедейство,

Трамвайный грохот и гранит.
Так просто совершить злодейство
Средь кирпичей, бетонных плит,
Подъемных кранов, труб и окон,
Опутанных электротоком.

Так просто позабыть слова,
Что были в детстве. Тише, дети!
У каждого свои права,
Свои потемки, доски, клетки,
Своя больная голова,
Которой надоели сети
Ежесекунтных перемен —
Ни сна, ни отдыха взамен!

Не торопитесь, торопыги!
Со вкусом сядьте на диван,
Листая избранные книги —
Монтеня, Пушкина. Ведь вам,
Должно быть, надоели фиги,
Упрятанные тут и там
В томах дражайших драгоманов
И фантастических романов.

А то махнем со мной в леса,
В деревню тихую Коржово.
Сейчас там осени глаза
Печальны. Песню на два слова
Выводят птичьи голоса,
Поэты золота лесного,
В краю, где счастья не видать,
Оставшиеся зимовать.

Не спрашивай. Тебе понятно.
Там дед Василий на печи
Кряхтит, ругается невнятно
И в чае мочит калачи.
Поговорить бы с ним занятно,
Но, знаешь, лучше помолчим
И посидим за самоваром,
Окутанные важным паром.

А за окном дожди, дожди...
Поля распаханы, раскисли.
От девяти и до шести
Дожди — ни проблеска и мысли
О том, чтоб выйти и дойти
До той рябины, где повисли,
Корявым пламенем горя,

Глаза рябого октября.

Начнем застольную беседу.
Ты мой герой, я твой слуга.
Куда потянет непоседу,
Туда летит моя строка.
Я сам решил было – уеду,
Да мне дорога нелегка.
Бродить с котомкою по свету
Теперь невесело поэту.

Что скажешь мне, товарищ мой?
Каким поделишься секретом?
Твой дом остался над Невой,
Отпал, как пепел сигареты.
Скривился некогда прямой,
Как след ножа и свет ракеты,
Твой путь от первого звонка
До ящика гробовщика.

Тебя тогда не волновали
Вопросы зла или добра.
Стояла осень. Напевали
Часы – пришла, пришла пора
Задуматься о карнавале,
Где все всерьез и все – игра.
Ты выбрал шаткую основу,
Доверившись слепому слову

Как случаю. Из деревень
Струились жилистые токи.
Давай забросим дребедень:
Морали мерзкие уроки,
Хороший тон, воскресный день
По магазинам, стиль эпохи
И мелочную кутерьму
Забот – ни сердцу, ни уму.

Смотрите – скачет подстаканник,
Высокий чин, мордovorот.
Полковник или окаянник —
Сам черт его не разберет.
Мазурку пляшет, как посланник,
Заморский обер-обормот.
Несется вскачь, ведя по кругу
Свою законную супругу.

За ним раскрашенный злодей,
Фигляр в доносах и цитатах,

Погрязший в патоке идей
Закоренелых супостатов.
Куда бежать нам от блядей?
В деревню к тетке? в глушь? в Саратов?
Должно быть, там у наших дам
Наступит полный Амстердам!

А вот еще – проныра, плут.
Чего изволите? Лакейски
Изогнут несколько минут,
Потом разогнут компанейски.
Марионетки там и тут
Висят на ниточках житейских,
Пока со стуком лба о лоб
Не упадут в открытый гроб.

Вот карнавал. Его герои
Смешны, не более. Зачем
Ты разлучился сам с собою,
Меланхоличен стал и нем?
Архангел прилетел с трубою
И протрубил одну из тем
В спектакле Страшного Суда
Взамен смущенья и стыда.

Однако новые замашки
Недолго волновали ум.
Давай сыграем лучше в шашки
Иль шахматы – утеху дум.
Там пешки, будто бы монашки,
Идут гуськом, заслыша шум
Великой битвы королей,
Прекрасных в трусости своей.

У легких лаковых фигурок
Свои понятия о зле.
Вот скачет конь, как старый турок
С кинжалом в кожаном седле —
Такой воинственный придурок
При благородном короле.
Ваш ход, милейший! Сделан выбор.
А христианство пахнет рыбой.

Бежав лампадок и свечей,
Отдался ты литературе.
Ты в услужении у ней.
Апоплектической фигуре
Не нужен новый грамотей,
А равно мировые бури.

Главой заслуженной скорбя,
Она не приняла тебя.

Но волшебство родного слова,
Его волнение и пыл,
Ты, словно бы родившись снова,
Почувствовал и полюбил.
Боясь бесславного итога,
Ты для себя установил
Каноны, жесткие уроки,
Наметил уровни и сроки.

И вот тогда твоя страна
Пришла к тебе всерьез, надолго.
Ее святые имена,
Герои пламени и долга
Являться стали, и темна,
Уже звала куда-то Волга,
Леса, овраги, родники,
Амбары, горницы, замки,

Грибы, натопленные бани,
Далекий перебор собак,
«Зимой – телегу, летом – сани»,
Ухваты, дедовский армяк,
Бирюльки незлобивой брани,
Мол, молод, так тебя и так! —
Хватил бы прежнюю годину,
Сам запросился б на осину.

А карнавал? Что карнавал?
Он продолжается, клокочет
Среди хлопушек и зеркал,
Он крови жаждет, славы хочет,
Притягивает – не узнал? —
И на себя доносы строчит.
А там, гляди, с морского дна
Встает китайская стена.

Ты возмужал. Твои заслуги
Пора проверить. Стой, малыш!
Уж я-то знаю все недуги
Ненапечатанных афиш,
Твои сомнения, испуги, —
Опасен, думаешь, молчишь,
А крик о помощи Вселенной
Не слышен в музыке военной.

Теперь довольно. Наши сборы

Пора ускорить. Я – домой.
Уже не радуют узоры
Осины красной, золотой,
Как мирные переговоры
Средь передышки боевой,
Когда убьют парламентаря,
Доказывая вечность спора.

Ты остаешься? Ах, прости,
Ты мой двойник, поедem вместе.
Мы параллельные пути
Проходим. Козыри не крести,—
Кресты, которые нести
Есть дело совести и чести.
Об этом стоит, так и быть,
Читателя предупредить.

В разгар брожения, карнавала
Закончу песню и строку.
Судьба нести не перестала,
Свистит и рубит на скаку.
Ей дела нет, вернее, мало,
Что стих повиснет на суку,
Готовый с легкостью паяца
Взлететь над миром и сорваться.

Кленовый лист, мой талисман,
Свернулся трубочкой к ненастью.
Герой попался, как в капкан,
В тиски обиднейшей напасти,
Строки волосяной аркан
Сдавил его. Не в нашей власти
Освободить, и ни к чему:
Три карнавала, три предела —
Войны, любви, мирского дела —
Уж уготованы ему.

26—28 октября 1967 г.

II

«Покров показался. Трехглавая церковь...»

Покров показался. Трехглавая церковь,
Погост, за околицей лес.
Скрипучий автобус по самому центру
На пыльную улицу влез.

Бегут ребятишки, гармошка играет,
С кошелками бабы стоят,
А в небе над ними от края до края
Малиновый зреет закат.

Свои пересуды – какая погода?
К дождю или сызнава сушь?
Кругом молчаливая стынет природа —
Овраги, осинники, глушь.

И если взобраться на верх колокольни,
На купол, где ржавленный крест,
Увидишь, как лес далеко и привольно
Раскинул вершины окрест.

Подняться на облако – птицам на зависть —
И Волгу увидишь вдали.
А вот и Покров, как зеленая завязь
На светлых проселках земли.

И солнце зашло, и закат догорает,
Еловая чаща черна.
В далеком Покрове гармошка играет,
И вышла из лесу луна.

В далеком Покрове... Искал, как иголку
В стогу, – эту землю свою,
Где сосны и ели стоят вдоль проселка
В тяжелом и ровном строю.

Где чистый родник за лесным поворотом
И трудно от хвои вздохнуть, —
Береза и камень у края болота
Укажут мне правильный путь.

Рогожская губерния

Рогожская губерния,
Соломенный уезд.
Петух зарю вечернюю
Скликает под насест.

На поле недокошенном
Косилка тарахтит.
Затеряна, заброшена
Дерйвенька стоит.

Проветривают валенки
Ценою медный грош.
Крапиву у завалинки
Косою не возьмешь.

Три дома с огородами.
Живут двенадцать душ.
Страдают недородами
В распутицу и сушь.

Живут своим обычаем:
Богаты чем – к столу.
С иконами привычными,
Забытыми в углу.

На стенке фотографии
Артистов и родни
С гармошками и граблями,
Семейством и одни.

И новости неспешные,
И письма раз в году.
– Живем, покуда, грешные,
Себе же на беду.

Мальчонки отрываются.
В ремесленном один,
Другой по свету мается,
Считай, что блудный сын.

Посылка новогодняя
Да к Пасхе перевод.
Кровать его свободная
Уже который год...

...На невысокой местности
Амбары да плетни.
Бегут недели, месяцы
И годы, словно дни.

Неслышно осыпается
Каленый цвет осин.
В дорогу собирается
Последний, третий сын.

«Я не сплю. На избах тени...»

Я не сплю. На избах тени
Шевелящихся берез.
Бабка встала на колени,
Задремал под лавкой пес.

За поваленным забором
Поле темное лежит,
И звезда над черным бором
Потихонечку дрожит.

Наступает та минута
Напряженной тишины,
Для которой мы как будто
Не слышны и не нужны.

Для которой только поле,
Только тени под луной
Да запрятанное горе
Там, за дальнею избой.

Лесные слова

Утром выйти на дорогу —
Грузовик промчит в пыли —
И шагать за солнцем в ногу
С песней утренней земли.

В полдень мокрую рубаху
Снять и поем в березняк,
Где невидимая птица
Подает условный знак.

Там на глянцевых листочках,

На полянах меж стволов
Перепутанные строчки
Молодых курносых слов.

Собираешь, как малину,
В рот, на запах и на вкус,
В туюсок, ведро, корзину
Эту лиственную Русь.

Береста, береза, брага
Допьяна поит людей.
В земляничных листьях влага
Спелой ягоды вкусней.

Тени, вырубка, подлесок,
Ельник чистый, как шатер.
Гриб серьезен, полон, весок
Привораживает взор.

На поляне врассыпную
Шляпки масляных маслят.
Ловишь присказку лесную,
Не нашел – иди назад.

Лесом, полем ли, оврагом,
Сквозь осинник напрямик,
По тропинке скорым шагом...
Солнце село. Лес поник.

Избы, серые заборы,
Благодарственная лень.
И звенят в ушах, как хоры,
Гроздь слов за целый день.

«Хорошие люди, читайте хорошие книги!...»

Хорошие люди, читайте хорошие книги!
На стертых страницах зеленый царит полумрак,
Там плещут моря, затеваются балы, интриги,
Крадется по городу серый с прожилками враг.

Там сразу не скажешь, какой из миров нереален.
Надейся на детство, а правду подскажет строка.
Почетному слову ты будешь слуга и хозяин —
Стесненным дыханьем свинцовая пыль дорога.

Когда буквоеды-филологи насмерть рубили

Священные рощи олив на библейских холмах,
И песни Гомера, покорные, словно рабыни,
Сгорали смешно и позорно у них на губах,

На каждое слово броню толстозадого смысла
Навешивал школьный заслуженный архиерей
И мелом стучал по доске, но не вышло, не вышло!
Посмейтесь над ним, покорители книжных морей!

И дрожь узнавания наивернейшего слова,
И собственный лепет без голоса, без пастуха
Испробуйте снова, счастливы, испробуйте снова,
Пока острый глаз и пока перепонка туга!

Лесной трамвай

В этом наспех придуманном мире
На глаголах – бубенчики лиц.
Разлетаются выше и шире
Разноцветные хлопья зарниц.

И кудесник-вагоновожатый
Видит в щелочку выгнутый рельс
И ведет свой короткий и важный
Перезвоном наполненный рейс.

Наступает веселое утро.
На маршрутном листе – небеса.
Осыпается жалкая пудра,
Без остатка пылит полчаса.

Слово за слово – корень, приставка,
Снова корень, такой корневой,
Что белеет немытая лавка,
И тропа зарастает травой.

Исчезают колеса и скобы,
А трамвайные дуги в лесу
Долго ищут железные тропы
И тихонько звенят на весу.

Венский вальс

Светлой осени костры
И ленивые качели

Нас как будто научили
Новым правилам игры.

Это день перед войной.
Посмотри: оркестр военный
Венский вальс благословенный
Чертит кисточкой одной.

Впереди седой трубач,
Академик флюгельгорна
Дует важно и упорно,
Будто вальс еще горяч.

День кружит на высоте,
На три четверти, по ноте
Он припомнится пехоте,
Как зарубка на версте,

Отделяющей века,
Смену правил и привычек
Блеском звездочек и лычек,
Пулей-дурой у виска.

«Сегодня встретился хороший человек...»

Сегодня встретился хороший человек.
Такая редкость! Шел и улыбался,
Как будто улицы неосторожный бег
Его души нисколько не касался.

Счастливый обитатель корабля
Без паруса, без якоря и флага
Он плыл, куда звала его земля,
И это было больше, чем отвага.

На мудреца довольно простоты,
А простаку спокойнее живется.
В порыве недоношенной мечты
Святая правда в людях ошибется.

А этот улыбается, чужак!
Несет авоську с пойманным арбузом.
Я шел и любовался просто так
Его зеленым полосатым грузом.

«Приходи ко мне запросто...»

Приходи ко мне запросто.
Вечерами я дома.
Мы послушаем записи
Наших старых знакомых.

Там стеклянные кубики
Невесомостью дышат,
И почтенную публику
Слезы совести душат.

Это Моцарт рассерженный
Притворяется тихим,
Но, на землю поверженный,
Вдруг становится диким.

На лету превращается
В первородного Баха.
Там, где месса кончается,
Начинается плаха.

Далеко, далеко еще
Заведут нас молитвы!
В этом мире ликующем
Вечны первые битвы.

И на счастье подаренный
Разбивается Моцарт,
Потеряв под ударами
Блеск мятежных пропорций.

Почти детское

Не прислала мне повестку
Комариная война
И под окнами в отместку
Голосила дотемна.

Первый голос: ярче ментик,
Королевский трубадур!
Стиль высокий – франтик, шпентик,
Весельчак и балагур.

На второго накричали,

Он совсем ушел в себя.
Лезут перышки печали
У седого воробья.

Третий голос – деревенский
Плач побитого в кустах.
Ярославский ли, смоленский,
Волчий шорох, птичий страх.

Строчка, точка, запятая,
Понарошке и вразброд
Эта троица святая
На дремучий суд идет.

Обсудили, осудили,
Пропечатали приказ
И частушечные были
Разорили напоказ.

Прицепили строчки к смыслу,
Словно ведра к коромыслу.
Синий ментик был неправ,
Он упал, траву примяв.
Только перышки печали
Ни за что не отвечали.

«Напряжение внутренней жизни...»

Напряжение внутренней жизни
Так легко от друзей укрывать.
Суета на веревочке виснет,
И летит одуванчиков рать.

На лугу непрерывно-зеленом
От цветка до цветка, второпях,
Как положено вечным влюбленным,
Скачут мошки на первых ролях.

Им не стягивать узел Вселенной.
Легкомыслие – ветер в крови.
На земле музыкальной и пенной
Ноту счастья за хвостик лови!

А тебе – ни ромашек, ни пеня,
И за лодкой чужой не грести.
Ток высокого напряженья
Держит душу, как землю в горсти.

Крысы

Стучатся в дверь, и стук висит в прихожей.
Я рад вам, гости, заходите. Выпьем чаю,
Поговорим о завтрашних делах
И проведем непринужденно вечер.
Вы слышите? Играют где-то Баха,
И в окна бьют органные приливы,
Волнуются, но стекла не дрожат.
Почудилось. Прошу вас, проходите,
Садитесь на диван. Отрезок жизни
Я постараюсь вам преобразить.

Скрип половиц. И темнота, и шорох.
Из темных нор ползут немые крысы,
Они жирны и щелкают зубами,
Глаза горят – их сотни! – друг на друга
Они взбираются. Что, страшно? На паркете
Царапины глубокие белеют,
И смрад витает в воздухе сыром.
Мне вспомнилось: сегодня утром дети
В войну играли. Пленных повели
Расстреливать, и командир отряда,
Какой-то рыжий незнакомый мальчик,
Сказал: перестреляем, словно крыс!

И вот теперь из сумрачных углов
Пожаловали крысы! крысы! крысы!
Смотрите – дисциплина и порядок
В крысиных сотнях. Строй предельно четок,
Как будто связан дудкой Крысолова.

Ряды смыкаются. На приступ! Понемногу
Передние влезают на диваны.
Ну, берегитесь, гости! Будет бой!
А впрочем, нет. Бороться бесполезно.
Но покориться крысам? Покориться
Кишащей массе темно-серых шкурок?
Ах, лучше смерть! И смерть с косой приходит...
А мы хотели просто выпить чаю!
Не выйдет, дорогие, я встречаю
Непрощенную гостью. Стынет ужин,
Хозяин никому уже не нужен.

...Как мило провели мы этот вечер!
А музыка! А легкая беседа!

Мы к вам пожалуем еще через неделю.
Спасибо. До свидания. Прощайте.
И дверь закрылась. Что же, мне приснились
И крысы, и шуршащие колонны?
Их гости не заметили. Бог с ними!
Блаженно их неведение. Хоралы
По-прежнему откуда-то несутся.
Закреть окно. Законопатить щели.
Все выходы и входы запереть
И этим крыс вторжение отсрочить.
А Иоганна Себастьяна Баха
Забыть до Страшного Суда. Аминь!
Прощайте, гости! Помните о крысах.

В парке

Я в этот парк весною не приду.
Стоят пустые черные скамейки,
И ветер носит скомканные звуки
Из репродуктора, висящего уныло
На мокром покосившемся столбе.
А стрелки на часах Адмиралтейства
Безжизненно повисли. Полшестого.
Последний отзвук праздничного дня,
И лопнувших шаров, и красных бантов,
И голосов нестройное «ура!»,
И щеки напряженных музыкантов,
И ржанье милицейского коня, —
Исчезли все. Оставили меня
Перед решеткой парка. На дорожках
Обрывки лент, конфетные обертки
И сломанная палка транспаранта.

А летом здесь цыганки в пестрых платьях
Гадали простофилям и влюбленным,
Украдкой вынимали талисманы
Из шелкового черного платка.
Влюбленные смеялись. Простофили
Испуганные брови поднимали
И наскоро во внутреннем кармане
Нащупывали мелочь... Уходили...
Влюбленные смеялись! Им-то что!
Рука в руке, и никаких секретов
В далеком будущем, а тайны — для других.
Колокола над ними — дили-дили,
На облаке седом, как на экране,
Два имени, пронзенные стрелой,

И крошечный амур, для посторонних
Невидимый. Движения цыганки
Нелепы, как немые киноленты,
А предсказания темные смешны.
А лето перемешивает лица,
Косынки, стоптанные босоножки,
Стаканы с газированной водой,
Шипит и дразнит, носится над парком
И оставляет солнечные пятна
В причудливой узорчатой тени,
И бухает полуденною пушкой.
Как я тогда завидовал влюбленным!

А осенью в аллеях поскучнело.
Ходили старики-пенсииеры,
Да дворники сгребали листья в кучи
И поджигали. Вился огонек,
Дым стлался по земле, и понапрасну
Мальчишки ворошили горы листьев —
Огонь не разгорался. Я бродил
По тем местам, садился на скамейки
И, кажется, был счастлив. Вспоминаю:
Ведь не было решительно причины
Мне быть счастливым. Отчего же листья,
Их шорох, дым и голоса мальчишек
Мне говорили явственно — ты счастлив.

Но скоро, скоро зимние картины
Укрыли осени неприбранные знаки
И залили бесстрастным ровным светом
Дорожки и часы Адмиралтейства,
И стрелки, что топорщатся игриво
И ждут весны. Ну что ж, начнем сначала.
Я в этот парк весною не приду.

Зимние картинки

1. Здравствуй, зима!

Здравствуй, зима! Эта грусть на границе
Времени года — да будет светла!
В темной передней не спится зарнице,
Снегом сухим замело зеркала.

Выйдешь на улицу, скрипнули двери,
Слезы от ветра, и голос колюч.

Ехать – не ехать? Слепой от доверья
К первому следу и шествию туч.

Лужи заснули, а дальше на стройке
Дергает кран посиневшей рукой.
Булочный воздух, душистые слойки
Тянут к теплу и зовут на покой.

Здравствуй, зима! Узнаешь по рисунку,
Словно немного воды утекло,
Эти дома, подведенные в струнку,
Это забитое снегом стекло?

Эту поземку, игру завихрений,
Корку мороза на красном лице
И надоевшую от повторений
Долгую песню метели в конце.

2. Утренний снег

Тихо падал белый снег,
За прозрачной занавеской,
Падал медленно и веско,
Падал на виду у всех.

Падал и упасть не мог.
Он был внутренне спокоен,
Нет, скорее, – сдержан, строен,
Был не выдох он, а вдох.

Падал, словно бы ни в чем
Никогда не сомневался.
Я-то знаю, он держался
На дыхании моем.

3. Вид из окна

Дорога промерзла до скрипа,
Иголками схвачены тени
Трех сосен, и облачко крика
Пришито к раскрытому рту,
Но звука не слышно. Ступени
Засеяны желтым песком,
И дворник, ругая природу,
Орудует острым скребком.

На стройке воскресное царство
Морозной кирпичной тоски,
Где варварство, словно лекарства,
Бруски навалило и трубы
И красным фанерным щитом
Проводит опасную зону,
Где вмерз недостроенный дом
В небесный пустой окоем.

А дальше – фигурки детей,
Творожный рассыпчатый воздух,
И падает голубь с балкона
Почти до земли.

4. Игра в хоккей

Угол зимнего двора,
Где на льду сороконожкой
Поддевает шайбу клюшкой
Разудалая игра.

Лед круглится, как орех,
И, раскалываясь с треском,
Он решимостью и риском
Обволакивает всех.

И подобием штрихов
Карандашного наброска
Искры в воздухе нарезком
Отлетают от коньков.

И попробуй, удержишь,
Чтобы детская отвага
Не шепнула – как убога
Наша мелочная жизнь!

5. Сказка

Достаточно взглянуть в окно,
Чтоб убедиться, как прекрасно
Зимы пушистое вино,
А легкое веретено,
Как предсказание, опасно.

Вот укололась невзначай,
Взглянув на белый двор, принцесса,

И серебристая печаль
Скользит по залам, как завеса,
И стынет на подносе чай.

Веретено из рук упало,
И солнце синее зашло.
Метель проносится по залам,
И запоздалым снежным балом
Искрится тонкое стекло.

Ты слышишь, музыка играет.
Сосульки крохотный орган
Прозрачным звуком замирает.
За тридевять земель и стран
Принц белого коня седлает.

Теперь проснись и повтори
За мной два слова: жизнь прекрасна.
На снег в окошко посмотри:
В тяжелых шапках фонари
Горят светло, печально, ясно...

6. Мороз

Тяжелое дыхание мороза
Двойную раму приступом берет.
Сначала струек гибкие поводья
Сквозь щели проникают, а потом
Сам бородач, клубясь еловым паром,
На тройке леденцовых лошадей
Сухие стекла разом вышибает
И в комнате на стенах вышивает
Узоры для снегуркиных детей.

7. Снегирь

Прилетел снегирь на мой балкон,
Покрутил головкой, как в кино,
Красной грудью окровавил снег.

Почему-то не заметил он,
Что его разглядывал в окно
Хитрый, но бескрылый человек.

8. В летнем саду

Скворешники Летнего сада,
Где зимуют мраморные птицы,
За решеткой северной столицы
Долгую тяжесть снегопада
Страхивают, как знакомый сон,
И глядят на них со всех сторон
Сонные дворцы Петрова града.

9. Новогодний базар

Предзакатным жидким светом
Освещен Гостиный Двор,
И толпа, как рыба, дышит.
Ходит там карманный вор,
Он косит вороньим глазом,
Пальцы тряпочкой скрутив,
Новогодний разговор
Побелевшим ухом слышит,
И назойливый мотив
Сердце сладкое колышет.

Двухэтажный Дед Мороз
Напирает на прохожих,
И на лампочках похожих
Нити спутанных волос,
И молочные деревья,
И кондитерский туман.
Как разбойник, ресторан
Свищет светом полосатым,
И любуются закатом
Дед Мороз, Гостиный Двор
И карманный вор.

10. Вечером

День – пустой, холодный
Дровяной сарай.
Связанный, свободный,—
Все равно прощай.
У молвы народной
Черствый каравай.

Не пришел покуда
Гость, приятель, брат.
Не дождался чуда
Убитый солдат.
Не было бы худо,—
Снегу я не рад.

Смотрит исподлобья
Черное надгробье,
И летят подряд —
Пушистые хлопья,
Белый маскарад,
Чуткий слух передней
И, смешней наград,
Лампочки соседней
Нищенский наряд.

11. Ночью

Ни души, и метель метет
По Садовой и по Литейному,
Вензелями снега затейливо
Заметая за поворот.

И над городом наугад,
Наступая на крыши гнутые,
Рыщут вулками ветры лютые,
Фонарями глаза горят.

Страшно, страшно в такую даль
Одинокому, одинокому
След искать, а ветру высокому
На земле никого не жаль.

12. Две ели

Два призрака елей в ночной глубине
Сегодня привиделись мне.

Тяжелыми лапами белых ветвей
Они заросли у корней

И легкими стрелками — там, в высоте,
Они прикасались к звезде.

Их синие тени на ровном снегу

Покоились в чистом кругу

Волшебного света звезды и луны —
Двойного зрачка тишины.

Сюжеты времени (1968-71)

Разговор

На темной лестничной площадке
Шаги тихи, а речи кратки.
Опять ругают беспорядки,
Ждут перемен.
Философ местного значенья
Вскрывает донные теченья
Из каменного заточенья
Квартирных стен.

На карте крупного масштаба,
Подобно маршалу Генштаба,
Он от ухаба до ухаба
Проводит путь.
Те правы, эти виноваты...
Его движения крылаты,
Он не ручается за даты,
Но знает суть.

Его всевидящее око
Заглядывает так далёко!
Проверить тайного пророка
Не хватит сил.
Но ты, поэт, скажи по чести:
— Я ошибался с вами вместе,
Надеялся и слушал вести.
Я просто жил.

1970

Чиновник

Не суди меня строго,
Я не царь, не герой.
В канцелярии Бога
Я чиновник простой.

Вот бреду я устало
Над невзрачной Невой,
Заморожен уставом,
Одурачен молвой.

Тень Петра и собора
Укрывает меня
От соблазна и спора
Уходящего дня.

Я, потомок и предок
Петербургских повес,
На Сенатской был предан,
На Дворцовой – воскрес.

Где-то скрыты пружины
Тех немыслимых лет.
Я не знаю причины,
Только вижу ответ.

Но темны и невнятны
Города и века,
Как чернильные пятна
На сукне сюртука.

1968

Издатель Новиков

1.

Тень восемнадцатого века,
Где свечи таяли в чаду,
Где среди говора и смеха
Узришь алмазную звезду
На вицмундире у вельможи,
Где друг на друга все похожи,
Все носят букли, парики —
Майоры, дамы, старики;
Где пушек гром, и дым, и звон
Бокалов, поднятых во здравье,
Где легковое тщеславье
И суета со всех сторон.
Тень восемнадцатого века!
Твоих сынов угрюмый слог,
Фонарь, бессонница, аптека,
Императрицы тяжкий вздох
Над сочинительством наказов,
Немецкий и французский сброд...
Еще в помине Стенька Разин,
Но Пугачев минуты ждет.

2.

Дух просветительства французский
Царил в Европе. Короли
Дрожали, но в столице русской
Приют философы нашли.
Уж при дворе входили в моду,
Как башмаки, — Вольтер, Дидро.
Вельможи, чувствуя погоду,
Творили вечное добро,
Екатерина до рассвета
Строчила письма. Было лето.
Стояла засуха. Народ
Не знал ни слова по-французски
И валом заполнял кутузки
И каторги в голодный год.

3.

Свеча коптит. Святое дело
Свободы – в трепете строки.
На край стола ложатся смело
Запретные черновики.
Чиновники, чинуши, воры
Богатства русского – прочтут
Безжалостные приговоры —
Да будет скорым правый суд!
Да будет так! Из Петербурга
В Москву тащиться по грязи,
По деревням – и громом бунта
Двору надменному грозить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.